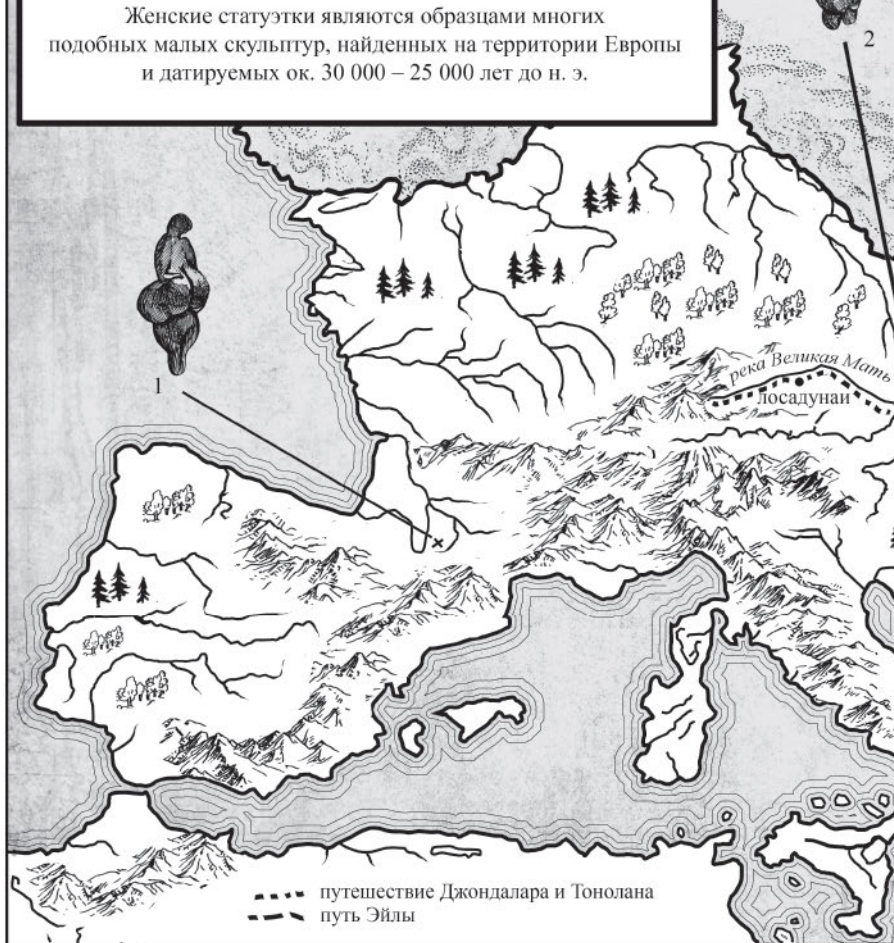

Дети Земли

ДОИСТОРИЧЕСКАЯ ЕВРОПА
ЛЕДНИКОВОГО ПЕРИОДА

Границы вечных льдов и очертания береговых линий на протяжении 10 000 лет интерстадиального потепления во время вюрмского оледенения эпохи позднего плейстоцена (35 000 – 25 000 лет до н. э.)

Женские статуэтки являются образцами многих подобных малых скульптур, найденных на территории Европы и датированных ок. 30 000 – 25 000 лет до н. э.

долина лошадей

река Сестра

хадумай

шарамудон

река Великая Мать

стоянка мамутов

пещера клана

морь Беран

1. Венера из Лепюга. Бивень мамонта (отреставрирована). Высота 14,7 см. Найдена в Лепюге, Верхняя Гаронна, Франция. Музей человека, Париж.
2. Венера Виллендорфская. Известняк со следами красной охры. Высота 11 см. Найдена близ городка Виллендорф, Вахау, Нижняя Австрия. Музей истории естественных наук, Вена.
3. Венера Вестоницкая. Обожженная глина (с костью). Высота 11,4 см. Найдена в пещере Дольни Вестонице, Микулов, Моравия, Чехия. Музей Моравской земли, Брно.
4. Венера Брасемпуйская. Слоновая кость (фрагмент). Высота 3,2 см. Найдена в селении Брасемпуй, Франция. Музей национальных древностей, Сен-Жермен-ан-Ле.
5. Женская фигурка. Бивень мамонта. Высота 5,8 см. Найдена у села Гагарино, Липецкая область, Россия. Этнографический музей, Санкт-Петербург.

ГЛАВА 1

Она была мертва. В нее впивались ледяные иглы замерзающего дождя — но какое это теперь имело значение? Щурясь от ветра, молодая женщина плотнее натянула на себя капюшон, сделанный из шкуры росомахи. Неистовые порывы ветра грозили повалить ее наземь, накидка из медвежьей шкуры больно хлестала по ногам.

Куда же подевались деревья? Ведь совсем недавно ей казалось, что она видит на горизонте чахлую растительность. Почему она такая невнимательная и почему у нее не такая память, как у остальных членов клана? Она все еще причисляла себя к клану, хотя на деле не имела к нему никакого отношения, а теперь вдобавок ко всему была мертва.

Пригнув голову, она пошла навстречу ветру. Обрушившаяся с севера буря налетела на нее совершенно внезапно; об убежище не приходилось и мечтать. Пещера осталась далеко позади, в этих землях молодая женщина была впервые. С тех пор как она покинула пещеру, луна успела пройти через все фазы своего цикла, однако женщина все еще не могла понять, куда именно она направляется.

На север, к большой земле, лежащей за полуостровом, — вот все, что она знала. В ту ночь, когда умирала Иза, она сказала ей: «Уходи. Бруд станет вождем, и тогда он сделает тебе больно». Иза не ошиблась. Бруд сделал ей больно — так больно ей не было еще никогда.

«Он не имел права забирать у меня Дарка, — думала Эйла. — Дарк — мой сын. И меня проклинать он тоже не имел права. Это он прогневал духов. И землетрясение он накликнул». По крайней мере, на сей раз она знала, чего ей следует ожидать. Все

произошло так быстро... Членам клана было невдомек, что они больше никогда не увидят ее. И все-таки они не могли остановить Дарка. Пусть она была мертва для них, но Дарк ее видел...

Бруд проклял ее в припадке гнева. Когда ее проклял Бран, он подготовил их к этому. У него были на то причины. Они знали, что Бран обязан это сделать, и тем самым он давал ей какой-то шанс.

Она подняла голову и щурясь посмотрела вперед. На землю опускались сумерки. Скоро станет темно, а ноги-то у нее совсем занемели... Холодная жижа пропитала насквозь кожаные чулки; хотя женщина и натолкала в них сухой травы, ступни ее совершенно заledenели. И тут она с облегчением увидела впереди искривленную карликовую сосну.

Деревья в степи встречаются крайне редко, они растут только там, где есть хоть какая-то влага. Двойной ряд осинок, березок или ив, низкорослых и асимметричных из-за постоянных ветров, обычно говорит о том, что меж ними течет какая-то речушка. В засушливое время вид деревьев не может не радовать глаз, ведь грунтовые воды на этих землях большая редкость. Когда же с севера, со стороны огромного ледника, начинают дуть злые ветры, деревья эти могут служить хоть каким-то укрытием от непогоды.

Эйла прошла еще немного и оказалась на берегу реки. Вся река, кроме центральной ее части, была скована льдом. Женщина повернула на запад вниз по течению, где заросли были погуще и повыше.

Она сделала еще несколько шагов, сгибаясь под свирепыми порывами ветра, и тут неожиданно все разом стихло. Крутой противоположный берег служил естественной защитой от северных ветров. Эйла побрела к нему через ледяную воду. Главное, что под бережком не было этого страшного ветра. Вскоре она обнаружила что-то вроде ниши с крышей из сухого дерна и корней многолетних трав и кустарников.

Эйла развязала отсыревшие ремни, удерживавшие на спине корзину, и опустила ее наземь. Она достала тяжелую шкуру зубра и оструганную палку и поставила палатку, зацепив конец

шкуры за воткнутую в землю палку и привалив ее свободные края камнями и плавником.

Эйла зубами ослабила ремни рукавов — собранные на запястьях округлые куски меха, в которых были сделаны прорези. При необходимости Эйла могла просунуть в эти прорези кисти рук. Кожаные чулки выглядели примерно так же, но в них прорезей уже не было. Эйла стала биться над ремнями, обвязанными вокруг ее лодыжек. Обувь она снимала крайне осторожно, боясь растерять находившуюся внутри чулок сухую осоку.

После этого она разложила в палатке медвежью шкуру, положив ее мокрой стороной вниз, бросила сверху рукава и кожаные чулки и стала ногами вперед забираться в свое убежище. Прикрыв вход корзиной, она завернулась в шкуру, хорошенько растерла свои занемевшие ноги и, когда те отогрелись, свернулась в клубок и закрыла глаза.

Холодное дыхание зимы постепенно слабело. Зима уступала свое место весне, капризной и непостоянной. То веяло стужей с ледника, то начиналась оттепель, предвещавшая жаркое лето. Ночью погода резко изменилась, и тогда буря разыгралась с новой силой.

Когда Эйла проснулась, солнце уже стояло высоко в ясном синем небе. Снег и речной лед сверкали так, что резало в глазах. Далеко на юге виднелись клочковатые облака. Эйла выбралась из своей палатки и босиком направилась к воде, сжимая в руках кожаный мешок. Не обращая ни малейшего внимания на холод, она спокойно наполнила водой обшитый кожей пузырь, сделала несколько глотков студеной воды и побежала назад. Облегчившись прямо на берегу, она вновь влезла в свою палатку, чтобы хоть немного согреться.

В палатке она лежала недолго. Ей слишком хотелось наружу, тем более что буря уже утихла и с неба вновь светило ласковое солнце. Она надела на ноги высохшие от тепла ее тела чулки и подвязала медвежью шкуру к меховой накидке, которой она укрывалась. Достав из корзины кусок вяленого мяса, Эйла уложила палатку и меховые рукава и отправилась в путь, утоляя голод на ходу.

Река особенно не петляла и текла под горку, отчего идти было особенно легко. Эйла принялась мычать себе под нос что-то невразумительное и монотонное. На кустиках, росших по берегам реки, уже проглядывала первая робкая зелень. На одной из проталин она неожиданно увидела маленький цветочек и не смогла сдержать своей улыбки. Совсем рядом в реку бухнулась подтаявшая ледяная глыба, которую тут же подхватило стремительное течение.

Весна началась еще в ту пору, когда она покинула пещеру, но там, в южной части полуострова, было куда теплее и весна начиналась много раньше. Горный кряж служил преградой свирепым ледяным ветрам, а морской бриз согревал и увлажнял узкую полоску побережья и южные склоны высившихся над ним гор, делая климат умеренным.

В степях было куда холоднее. Эйла обогнула восточную оконечность кряжа и оказалась на открытой всем ветрам равнине. Ее продвижение на север сопровождалось постепенным потеплением, однако ей, привыкшей к мягкому климату побережья, казалось, что в этих краях все еще стоит зима.

Ее внимание привлек хриплый крик чаек. Она подняла глаза к небу и увидела несколько небольших, похожих на чаек птиц, невесомо паривших на своих неподвижных широких крыльях. «Должно быть, где-то поблизости море», — подумала она. В эту пору птицы начинали гнездиться, и это означало, что она могла разжиться яйцами. Эйла ускорила шаг. На скалах должны были находиться колонии мидий, разинек и прочих съедобных моллюсков, а в лужицах, оставшихся после прилива, могли встретиться актинии.

К тому времени, когда она оказалась на берегу тихого залива, образованного южным берегом материка и северо-западной оконечностью полуострова, солнце стояло уже в зените. Она наконец достигла широкой горловины, соединявшей основную часть полуострова с материком.

Эйла сбросила с себя тяжелую корзину и полезла на скальный массив, высившийся над морем. Со стороны моря скалы были подточены и изъедены волнами и ветром. В воздух взмыли стаи чистиков и крачек, оглашавших округу яростным недо-

вольным криком. Не обращая на птиц никакого внимания, Эйла принялась собирать их яйца. Несколько яиц, что были еще теплыми, она разбила и выпила на месте, еще несколько штук положила в особую складку своей меховой накидки, после чего стала спускаться вниз.

Она разулась и вошла в воду, чтобы смыть песок с мидий, собранных на прибрежных камнях. В лужицах, оставшихся после прилива, было множество похожих на цветы морских анемонов, пытавшихся сложить свои лепестки-реснички при ее приближении. Однако форма и цвет их были незнакомы Эйле. Она заметила на донном песке несколько едва приметных лунок и, вырыв из песка пару разинек, решила ограничиться ими. Она не стала готовить их на огне — моллюски больше нравились ей сырыми.

Насытившись яйцами и дарами моря, молодая женщина какое-то время отдыхала у подножия высокой скалы, после чего вновь забралась наверх, чтобы получше осмотреть очертания залива и другой берег. Она уселась на корточки на самой вершине и стала разглядывать открывшиеся ей дали. Ветер, овевавший ее лицо, пах морем и его богатой многообразной жизнью.

Южный берег материка плавно уходил на запад. За узкой полоской деревьев она видела бескрайние степные просторы, ничем не отличавшиеся от холодных пустынных равнин полуострова. Людей на этих землях, похоже, не было — во всяком случае, никаких следов их жизнедеятельности Эйла не заметила.

«Вот он, материк... — подумала она. — Иза, куда же мне теперь идти? Ты говорила, что на материке живут Другие, но я не вижу здесь ни души...» Оглядывая безрадостные пустынные земли, Эйла мысленно вернулась к той ужасной ночи, когда умерла Иза. С той поры прошло уже три года.

— Эйла, ты не из клана. Ты рождена Другими, и поэтому жить тебе следует с ними. Оставь это место, детка, и найди своих соплеменников.

— Оставить? Но куда же я пойду, Иза? Я не знаю Других, я не знаю и того, где их нужно искать.

— На севере, Эйла. Ступай на север. На материке, который находится за этим полуостровом, их много... Тебе нельзя здесь оставаться. Бруд обязательно обидит тебя, вот увидишь... Найди своих, детка... Свое племя, своего мужчину...

Тогда она не ушла от них — просто не могла это сделать. Теперь же у нее не было иного выхода. Ей не оставалось ничего иного, как только найти Других. Она уже никогда не вернется назад и не увидит своего сына.

По щекам Эйлы покатались слезы. Она плакала впервые. После того как она покинула пещеру, ее жизнь постоянно подвергалась опасности и Эйле было, что называется, не до слез. Теперь же они текли ручьем.

— Дарк, деточка моя... — всхлипывала Эйла, пряча лицо в руках. — Почему Бруд забрал тебя?

Она оплакивала сына и оставленный ею клан, Изу, единственную мать, о которой она хоть что-то помнила, и себя — такую маленькую и такую незащищенную — перед лицом этого бескрайнего и неведомого мира. Креба, любившего ее так же сильно, как самого себя, она не вспоминала — слишком свежей и болезненной была эта рана.

Далеко внизу шумело и ярилось море. Огромные валы, увенчанные пенистыми гребешками, раз за разом набрасывались на темные скалы и, злобно шипя, отступали обратно.

Прыгнуть вниз и разом покончить со всеми печальями...

— Нет! — Она затрясла головой и, поднявшись на ноги, отступила от края скалы. — Он мог забрать моего сына, выгнать меня, наложить на меня проклятие, сделать все, что угодно, но только не заставить меня покончить с собой!

Она почувствовала солоноватый вкус своих слез и криво улыбнулась. Как расстраивали ее слезы Изу и Креба. Люди из клана не умели плакать, даже маленький Дарк, ее сыночек. Он унаследовал от нее многое и умел произносить такие же звуки, как и она, но его большие карие глаза явно говорили о принадлежности к клану.

Эйла быстро спустилась вниз и вновь закинула корзину на спину, размышляя о том, что могло произойти с ее глазами. Од-

но из двух: либо они у нее больны, либо у всех Других из глаз иногда сочится соленая вода. И вновь в ее сознании вспыхнуло: «Найди своих, детка... Свое племя, своего мужчину».

Молодая женщина пошла на запад, стараясь держаться поближе к берегу. Дорогу ей то и дело преграждали ручьи и речушки, спешившие слиться с внутренним морем. Наконец она оказалась на берегу довольно широкой и полноводной реки. Ей не оставалось ничего другого, как только повернуть на север и пойти вверх по течению этого бурного потока, подыскивая место для переправы. Прибрежные сосны и лиственницы, казавшиеся Эйле, привыкшей к кривым карликовым деревцам, настоящими гигантами, вскоре остались позади. Она вновь вступила в зону степей, и теперь по берегам реки росли главным образом ивы, березки и осины, хотя кое-где попадались и хвойные деревья.

Она шла все дальше и дальше, покорно огибая речные излучины; тревога ее с каждым днем становилась все сильнее и сильнее. Теперь она уже шла не на запад, а примерно на северо-восток. На восток ей идти не хотелось. В той части материка обитали какие-то неведомые ей племена.

Отправляясь на север, она думала именно о западных землях. Чего ей не хотелось, так это встречаться с иноплеменниками, тем более что на ней лежало смертельное проклятие! В любом случае ей нужно было как-то переправиться через реку.

В одном месте река становилась заметно шире и разветвлялась на два рукава, разделенных небольшим, усыпанным галькой островком, по берегам которого росли чахлые кусты. Эйла решила рискнуть. В дальней протоке из воды выглядывало несколько крупных валунов, что говорило о небольшой ее глубине. Эйла надеялась переправиться через нее вброд. Она прекрасно плавала, однако не хотела мочить свои шкуры. Ночи все еще были холодными, шкуры же сохли долго.

Она стала ходить взад-вперед, глядя на стремнину. Выбрав место, которое казалось самым мелким, она разделась, уложила весь свой скарб в корзину и, стараясь держать ее повыше, вошла в воду. Камни были очень скользкими, а течение грозило

в любую минуту сбить ее с ног. На середине первой протоки вода доходила ей до пояса, однако Эйле удалось благополучно добраться до островка. Второй рукав был пошире и, судя по всему, глубже, но поворачивать назад, пройдя половину пути, Эйле, естественно, не хотелось.

После того как середина протоки осталась позади, дно резко пошло вниз. Эйла шла на цыпочках, удерживая корзину на голове, вода сначала доходила ей до груди, затем до шеи... Неожиданно дно ушло у нее из-под ног, и она с головой погрузилась в воду, продолжая придерживать рукой корзину. Ее подхватило течение, но уже в следующую минуту она коснулась ногами камней и тут же выбралась на дальний берег.

Река осталась позади, и Эйла вновь оказалась среди бескрайних степей. Солнечные дни теперь случались куда чаще дождливых — тепло, шедшее с юга, наконец-таки обогнало странницу. Почки деревьев и кустарников обратились в листву; на концах веточек хвойных деревьев появились нежные светло-зеленые иголки, Эйла то и дело срывала их и жевала — ей нравился резкий горьковато-кислый вкус молодой хвои.

Она шла не останавливаясь весь день и к вечеру добрела до ручья, возле которого решила остановиться на ночлег. Проблем с водой у нее пока не было. Весенние дожди и потоки талой воды, что бежали откуда-то с севера, сливались в ручьи и реки, струившие свои мутные воды по вымоинам и распадкам, которые в скором времени должны были превратиться в сухие безжизненные лощины или в лучшем случае в жалкие, то и дело пересыхающие речушки. Обилие влаги в этих краях — явление преходящее и весьма кратковременное. Влага эта стремительно уйдет в землю, но сначала степь — хоть и ненадолго — расцветет и наполнится жизнью.

Едва ли не за одну ночь свежая яркая зелень молодых трав украсилась цветами — белыми, желтыми, багряными, несколько реже — ярко-голубыми и алыми. Вид цветущей степи чаровал и радовал Эйлу — весна всегда была ее самым любимым временем года.

Степные просторы наполнились жизнью. Теперь она могла не экономить прихваченные в дорогу скудные припасы — най-

ти пропитание не составляло труда, причем на поиски пищи у нее уходило совсем немного времени. Каждая женщина клана умела собирать на ходу съедобные травы, цветы, почки и ягоды. Отыскав ветку покрепче, Эйла очистила ее от веточек и листочков и, заточив более толстый конец кремневым ножом, стала использовать ее для выкапывания кореньев и луковиц. Собирать их было легко — одной много ли надо.

Помимо прочего, Эйла умела делать и то, на что другие женщины клана были не способны. Она умела охотиться. Ни один мужчина клана не владел пращей так искусно, как Эйла, — это признавали все. Она научилась этому сама и дорого заплатила за это умение.

Цветущие растения и пышно разросшиеся травы выманили из зимних нор сусликов, гигантских хомяков, больших тушканчиков, кроликов и зайцев. Эйла достала пращу из корзины и подоткнула ее под ремень, которым была подвязана меховая накидка. Она продолжала носить на том же поясе и свою палку-копалку, сумка же с амулетами висела на пояске, перехватывавшем на талии ее нижнюю накидку.

Эйла не знала проблем ни с едой, ни с дровами. Она умела добывать огонь, а веточки и маленькие деревца можно было найти по берегам многочисленных, пробужденных весенним паводком речек; кое-где попадался и бурелом. Эйла собирала в корзину и ветки, и сухой навоз, однако костер ей удавалось развести далеко не всегда — то не хватало дров, то они оказывались чересчур сырыми, то Эйла чувствовала себя слишком усталой для того, чтобы заниматься столь непростым делом.

Она не любила спать на открытых местах, если рядом с ней не горел костер. На бескрайних лугах паслось великое множество крупных травоядных животных, и это не могло не привлечь сюда самых разных четвероногих охотников. Последние старались держаться подальше от огня. В клане было принято носить с собой тлеющие уголья — это было почетной обязанностью одного из мужчин. На каждой новой стоянке разводился новый костер, причем развести его не составляло никакого труда — для этого было достаточно раздуть уголья. Прошло немало времени, прежде чем Эйла решила обзавестись орудиями

для добывания огня. Сделав это, она поразилась тому, что столь простая мысль не пришла ей в голову раньше.

Впрочем, в тех случаях, когда трут или дерево оказывалось сырым, ей не могла помочь и палочка для добывания огня. Эйла вздохнула с облегчением только после того, как наткнулась на костяк зубра.

Луна прошла еще через один цикл, и сырая, прохладная весна сменилась ранним летом. Эйла продолжала свой путь по широкой прибрежной равнине, плавно спускавшейся к внутреннему морю. Из-за сезонных паводков с их илом и наносами вытянутые устья рек часто перекрывались песчаными отмелями и косами, здесь было множество заводей и лагун.

Эйла выбрала для ночной стоянки место посуше, а утром остановилась возле небольшого озерца. Вода в нем казалась застоявшейся и непригодной для питья, но кожаный мешок Эйлы был уже почти пуст. Она зачерпнула в ладонь воды из озерца, сделала глоток, но тут же с отвращением выплюнула и принялась ополаскивать рот водой из своего мешка.

«Неужели зубры могут пить эту воду?» — поразилась Эйла, заметив неподалеку выбеленные солнцем и ветром кости и череп зубра с длинными конусообразными рогами. Она поспешила отойти от застойного озерца, от которого веяло погибелью, но увиденное не выходило из головы. Белый череп и длинные рога — изогнутые полые рога...

Днем Эйла остановилась на берегу реки, решив развести костер и изжарить убитого ею кролика. Солнце припекало все сильнее. Она сидела на корточках, вращая между ладонями палочку, поставленную на сухую плоскую деревяшку. Ах, если бы где-то поблизости был Грод со своими угольями...

Она вскочила на ноги, бросила палочку, деревяшку и тушку кролика в корзину и поспешила назад, к озерцу, виденному ею этим утром. Оказавшись на берегу, она стала рассматривать череп зубра. Грод носил тлеющие угольки в полых рогах зубра, предварительно завернув их в сухой мох или лишайник. Значит, то же самое теперь могла сделать и она.

Она принялась дергать за рога и тут же почувствовала что-то вроде угрызений совести. Женщины клана никогда не носи-

ли огонь — им это было запрещено. «Но тогда кто будет носить его для меня?» — подумала Эйла и тут же, собравшись с силами, выломала рог. После этого она спешно покинула берег озера, словно боясь, что кто-то незримый уличит ее в запретном поступке. Сейчас само ее выживание зависело от того, сможет ли она приспособиться к образу жизни, чуждому ее собственной природе. Нужно было забыть все то, чему ее учили с детства, и положиться единственно на собственную сообразительность. Рог зубра являлся только началом этого пути, который мог оказаться бесконечно долгим и мучительным.

Впрочем, сохранение огня оказалось не таким простым делом, как она думала прежде. Утро началось с поисков сухого мха, в который следовало завернуть угольки. Однако мох, который в изобилии встречался в лесистых окрестностях пещеры, на открытой всем ветрам равнине отсутствовал напрочь. Она попыталась заменить его сухой прошлогодней травой. К ее крайнему расстройству, к тому времени, когда она решила остановиться на ночлег, уголек уже успел потухнуть. Тем не менее она не оставила попыток и вскоре научилась сберегать тлеющие уголья так, что они сохраняли свой жар до очередного привала. Умение это пришло к ней далеко не сразу, но теперь на ее поясе, помимо прочего, висел и рог зубра.

Все ручьи и речки, встречавшиеся на пути, Эйла переходила вброд. Когда же она оказалась на берегу по-настоящему широкой и большой реки, то поняла, что нужно искать какой-то иной способ переправы. Несколько дней она шла вверх по течению. Река стала забираться на северо-восток, при этом оставаясь такой же широкой, как и в низовье.

Эйла справедливо полагала, что она уже вышла за пределы той территории, на которой могли охотиться мужчины из клана, однако ей страшно не хотелось идти на восток. Понятия «восток» и «клан» означали для нее одно и то же. Она не могла вернуться, не хотела даже двигаться в этом направлении. Вместе с тем оставаться на этом пустынном берегу было невозможно, следовало каким-то образом переправиться на другую сторону реки.

Она полагала, что ей удастся это сделать, — что-что, а уж плавать-то она умела хорошо. Проблема была не в ней самой, а в ее корзине со скарбом.

Она сидела возле небольшого костра, разведенного ею возле ствола поваленного дерева, голые ветви которого кольхались в воде. Полуденное солнце поблескивало на волнах и бурунах могучей быстрой реки. Время от времени мимо Эйлы проплывали коряги и всевозможный сор. Ей вспомнился поток, бежавший неподалеку от пещеры; там, где он впадал во внутреннее море, люди из клана ловили лосося и осетра. Она очень любила плавать в этом месте, хотя это чрезвычайно страшило Изу. Эйла не помнила, когда именно она научилась плавать, ей казалось, что она умела делать это всегда.

«Интересно, почему все остальные не любят купаться и плавать? — размышляла она. — Они считали меня странной, ведь я любила заплывать так далеко... Это продолжалось до тех пор, пока Оуна едва не захлебнулась...»

Эйла вспомнила о том, как они благодарили ее за спасение ребенка. Бран даже помог ей выбраться на берег. Как хорошо стало тогда у нее на душе, — казалось, ее наконец приняли, признали за свою. А ведь она так не походила на них. Длинные стройные ноги, слишком длинное и слишком сухощавое тело, светлые волосы, голубые глаза, высокий лоб — все это теперь не имело никакого значения. После того случая некоторые члены племени стали учиться плавать, но они все равно очень плохо держались на воде и поэтому страшно боялись глубины.

«Интересно, научится ли плавать Дарк? Он никогда не был таким тяжеловесным, как их дети, и мышц таких у него отродясь не было... Наверное, он будет плавать лучше прочих...»

Но кто же его научит плавать? Меня там уже нет, Уба этого не умеет... Конечно, она позаботится о нем, ведь Уба любит его почти так же сильно, как я сама, но она совсем не умеет плавать. И Бран этого не умеет. Зато Бран научит Дарка охотиться и будет защищать его. Он не даст моего сыночка в обиду Бруду — он мне это обещал, хоть он больше меня не увидит. Бран был хорошим вождем, не то что Бруд...

Неужели Дарк стал расти во мне именно после Бруда? — Эйла внутренне содрогнулась, вспомнив о том, как Бруд овла-

дел ею. — Иза говорила, что мужчины делают это с теми женщинами, которые им нравятся, Бруд же наверняка сделал это только потому, что знал, как я это ненавижу. Говорят, что на самом деле детей делают духи тотема. Но ни у одного из мужчин не было такого же сильного тотема, как мой Пещерный Лев. У меня не было детей до тех самых пор, пока мной не овладел Бруд. Как все тогда удивлялись... Все уже думали, что у меня никогда не будет ребенка...

Как бы мне хотелось увидеть его взрослым... Он уже и сейчас считается слишком высоким для своего возраста — прямо как я... Нисколько не сомневаюсь в том, что он станет самым высоким мужчиной во всем племени...

Хотя кто знает... Я-то его уже никогда не увижу...»

Эйла постаралась отогнать от себя грустные мысли и смахнула со щеки слезинку. Поднявшись на ноги, она подошла к самой кромке воды. «Нечего расстраиваться понапрасну... Можно подумать, если я буду вспоминать о Дарке, то окажусь на том берегу!»

Она была настолько занята своими мыслями, что не заметила раздвоенного бревна, подплывшего к самому берегу. Она смотрела на погруженные в воду ветви упавшего дерева, меж которыми билось большое темное бревно, пытавшееся выпутаться из их плена и продолжить свое плавание. Смотрела и не видела. Когда же наконец Эйла заметила бревно, она разом оценила возможности, которые оно ей сулило.

Она вышла на мелководье и вытащила тяжелую корягу на берег. Это была верхняя часть ствола большого дерева, сломанного совсем недавно сильным паводком в верховьях реки, — древесина даже не успела особенно отсыреть. Эйла достала из складки своей накидки каменный топор и подрубила ветви так, что длина их стала примерно равной, затем стала очищать их от веточек и сучков.

Покончив с этой работой, она огляделась по сторонам и уверенным шагом направилась к березовой рощице, сплошь обвитой пышно разросшимся ломоносом. Она потащила один из его вьющихся побегов на себя и вытянула неожиданно длинную и прочную плеть, после чего вернулась назад, обрывая с нее

листья. Эйла разложила на земле шкуру зубра и высыпала на нее содержимое корзины. Пришло время навести порядок и уложить вещи по-новому.

Эйла положила свои меховые чулки и рукава на самое дно корзины вместе с теплой меховой накидкой — они могли понадобиться ей только следующей зимой. На ней осталась легкая летняя накидка, служившая до сего времени поддевкой. Эйла на миг задумалась, силясь представить себе, где она может оказаться следующей зимой, но тут же решила не ломать голову понапрасну. Увидев среди прочих вещей хорошо выделанную мягкую шкуру, которой она подвязывала к своему боку маленького Дарка, она вновь впала в задумчивость.

Шкура эта ей была уже не нужна — она могла обойтись и без нее. Эйла взяла ее с собой только потому, что она касалась его тельца... Эйла поднесла ее к щеке и, аккуратно свернув, спрятала в корзину. Сверху она положила полоски мягкой, впитывающей влагу кожи, которыми она пользовалась во время кровотечений. Далее следовала запасная пара кожаных чулок. Сейчас она ходила босиком, но в сырую, холодную погоду натягивала на ноги эту быстро снашивающуюся обувь. Как хорошо, что она взяла с собой запасную пару...

Дальше следовала еда. У нее остался большой кусок кленового сахара, завернутый в бересту. Эйла развернула тонкую эластичную кору и, отломив маленький кусочек, положила его себе в рот, с сожалением подумав о том, что сахар скоро кончится и она уже никогда не сможет им полакомиться.

Помимо прочего, у нее оставалось несколько кусков дорожной снеди, которую берут с собой мужчины, отправляясь на охоту. Она делается из топленого жира, перетертого вяленого мяса и сушеных фруктов. При мысли о жирной пище у нее потекли слюнки. Зверьки, которых ей случалось добыть, как правило, были тощими и жилистыми. Если бы не собираемая ею растительная пища, она быстро оголодала бы на этой белковой диете. Без жиров и углеводов обойтись невозможно.

Она засунула дорожные лепешки в корзину, не отломив ни кусочка, — их следовало сохранить на крайний случай. За лепешками последовали несколько полосок вяленого мяса, жест-

кого, словно кожа, но очень питательного, немного сушеных яблок, лесные орехи, несколько мешочков с зерном, собранным в степи неподалеку от пещеры. Загнивший корень она не раздумывая отбросила в сторону. Поверх еды она положила чашку и миску, шкуру росوماхи и изрядно поношенные кожаные чулки.

Она отвязала мешочек с амулетом от поясного ремня и попыталась прощупать через мягкую непромокаемую шкуру выдры твердую кость лап и хвоста. Ремешок, которым стягивался и завязывался мешочек, был продет в специальные дырочки. Сверху на мешочек надевалась крышка в форме сплюсненной головы, которая крепилась к его горловине. И сам мешочек, и крышку сделала Иза. Когда Иза стала целительницей, она передала это в наследство Эйле.

Давненько Эйла не вспоминала о самом первом мешочке, сделанном для нее Изой, — Креб сжег его, когда Эйлу прокляли за то, что она охотилась. Бран не мог поступить иначе. Женщинам запрещалось прикасаться к оружию, а Эйла пользовалась своей пращей несколько лет. И все-таки он дал ей шанс на возвращение... Для этого ей достаточно было выжить.

«Может, он дал мне больше, чем хотел... Я вряд ли смогла бы выжить и на сей раз, если бы не знала, что смертельное проклятие заставляет человека искать смерти. В первый раз было куда труднее, правда сейчас мне пришлось оставить Дарка... Когда Креб сжег все мои вещи, мне хотелось умереть».

Она не могла спокойно думать о Кребе — боль была слишком сильной, рана слишком свежей. Она любила старого шамана так же, как любила Изу. Он доводился Изе и Брану братом. У него не было одного глаза и руки, и потому он никогда не ходил на охоту, но ни в одном из родов не было человека, который мог бы сравниться с ним внутренней силой. Его изуродованное, изрезанное глубокими морщинами лицо могло вселить ужас в сердце любого охотника, но Эйле была ведома и иная, тонкая и чувствительная сторона его натуры.

Он защищал ее, любил как собственную дочь, тем более что своих детей у него не было. За эти три года она успела привыкнуть к тому, что Изы уже нет в живых. Эйла по-прежнему печалилась о ней, но сердце согревала мысль о том, что у нее есть